

# **Жизнь испанцев в 1940-1950-е годы: и плохой мир лучше войны Life in Spain in the 1940s and 1950s: A bad peace is better than war**

**Гранцева Екатерина Олеговна**

кандидат исторических наук,  
доцент ГАУГН.

**Grantseva Ekaterina**

PhD (History),

Senior Research Fellow, Associate Professor of the State Academic University for the Humanities;

Mail: [kgrantseva@yandex.ru](mailto:kgrantseva@yandex.ru)

<https://orcid.org/0000-0001-7449-1314>

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории», номер темы 1022040800353-4-6.1.1; 5.9.1).

---

*Аннотация:* Франкистский режим – одна из самых длительных диктатур в европейской истории XX века. Ее история, начавшаяся с военного мятежа в июле 1936 года, растянулась почти на четыре десятилетия. Наиболее сложным для существования самого режима и испанского общества были первые пятнадцать послевоенных лет, включающие период «постгерры», международную изоляцию и политику автаркии. Это время связано с насилием, террором и притеснени-

ем значительной доли испанцев, оказавшихся среди «побежденных», когда гражданская война закончилась. В статье анализируется жизнь испанского общества в эти годы – общества страдающего, привыкающего и борющегося. Эта жизнь со всей очевидностью демонстрирует мифологичность франкистской идеологии о «единой, великой и свободной Испании», где испанское общество предстает не как единое, а как расколотое гражданской войной на «побежденных» и «победителей». Общество, с трудом выживавшее в условиях автаркии «великой Испании», «свободное» от прав человека и скованное насилием и контролем.

*Ключевые слова:* Испания, франкизм, «постгерра», автаркия, повседневность, испанское общество

*Abstract:* The Francoist regime is one of the longest-lasting dictatorships in 20th-century European history. Its history, which began with a military mutiny in July 1936, spanned nearly four decades. The most difficult period for the regime itself and Spanish society were the first fifteen post-war years, which included the "post-guerra" period, characterized by international isolation and a policy of autarky. This period was marked by violence, terror, and oppression for a significant portion of Spaniards, who found themselves among the "defeated" when the civil war ended. This article analyzes the life of Spanish society during these years—a society suffering, adapting, and struggling. This life clearly demonstrates the mythological nature of Franco's ideological vision of a "united, great, and free Spain," in which Spanish society is portrayed not as united but as divided by the civil war into "defeated" and "victors." A society that barely survived under the autarky of "Greater Spain", "free" from human rights and constrained by violence and control.

*Keywords:* Spain, Francoism, post-guerra, autarky, everyday life, Spanish society

DOI: 10.32608/2305-8773-2025-48-1-144-166

Дата принятия к публикации: 28.11.2025

Дата получения: 29.09.2025

Ссылка для цитирования / Cite:

Гранцева Е.О. Жизнь испанцев в 1940-1950-е годы: и плохой мир лучше войны // Латиноамериканский исторический альманах. 2025. № 48. С. 144-166. DOI: 10.32608/2305-8773-2025-48-1-144-166

Grantseva, Ekaterina, Life in Spain in the 1940s and 1950s: A bad peace is better than war // Latin American Historical Almanakh, 2025. № 48. P. 144-166. DOI: 10.32608/2305-8773-2025-48-1-144-166

История Испании периода франкизма на протяжении многих лет вызывает интерес специалистов-историков, изучающих политические и экономические составляющие режима Франко, специфику его внешней политики и международных отношений. На ряду с этой проблематикой, в XXI веке все больше внимания привлекают социальные вопросы и исследования повседневной жизни испанского общества в условиях диктатуры, носящие междисциплинарный характер. При этом одно из первых блестящих исследований данной проблематики, работа Амандо де Мигеля «40 миллионов испанцев 40 лет спустя»<sup>1</sup> вышла в свет уже через год после смерти Франсиско Франко – в 1976 г. и не теряет актуальности до сих пор. Автор в ней стремился (и ему это удалось) «основываясь на фактах, показать, какими были особенности повседневной жизни большей части испанцев, выживших после гражданской войны или родившихся сразу после нее»<sup>2</sup>. Последующие исследования, во многом продолжают анализ, начатый А. де Мигелем, данную статью также можно отнести к обозначенному направлению исследований.

Победители в гражданской войне 1936-1939 гг. навязали своё особое понимание конфликта, где сами играли роль добродетельных победителей, а всем остальным было уготовлено позорное место заслуженно проигравших. «Единая» Испания была расколота гражданской войной на «побежденных» и «по-

---

<sup>1</sup> De Miguel, 1976.

<sup>2</sup> Де Мигель, 1985. С. 19.

бедителей», население «великой» Испании с трудом выживало в условиях автаркии. «Свободная» Испания была «свободна» от прав человека и скована насилием и контролем<sup>3</sup>.

В символическом пространстве франкистской Испании ключевым элементом была память о победе в гражданской войне.<sup>4</sup> При этом режим гордился своей «исторической памятью» и включал в ее состав не только недавние события, но и обращенную к прошлому идею «великой» Испании. Идеологи франкизма видели в победе 1939 г. не только торжество «национального» света над республиканской «тьмой», но и шанс на преодоление упадка, во власти которого нация пребывала по вине своих внутренних и внешних врагов.

Эти отношения с прошлым нашли отражения и в судебной сфере, где развернулся обширный процесс - «Общее дело» (Causa General)<sup>5</sup>, в ходе которого ни одно преступление против «национальной Испании» во время «красного господства» не должно было остаться безнаказанным, а останки жертв красного террора должны были быть эксгумированы и захоронены со всеми почестями, которые полагаются погибшим «за Бога и Испанию».<sup>6</sup> Что касается проигравшей стороны, то фиксация жертв здесь велась с ошибками и ее целью было не расследование преступлений, а дискредитация Республики<sup>7</sup>.

Послевоенная Испания, страна в период «постгерры», представляла собой не единое государство, а два разных мира. Один из них - мир победителей, другой – мир побежденных, тех кто не успел или не захотел покинуть родину теперь был вынужден жить под угрозой репрессий, отрицания всех ценностей республиканского периода и насаждения «культы победы»<sup>8</sup>.

После кровопролитной гражданской войны страна была охвачена нищетой, голодом и насилием. Права и свободы чело-

---

<sup>3</sup> Sesma Landrin, 2023.

<sup>4</sup> Gómez Cuesta, 2007. Pp. 86-89.

<sup>5</sup> Gil Vico, 1998. Pp. 159-189.

<sup>6</sup> Boletín Oficial del Estado. – No 137, 17 de mayo de 1939.

<sup>7</sup> Martínez Hoyos, 2025.

<sup>8</sup> Hernández Burgos, Del Arco Blanco, 2011. Pp. 71-93.

века на рубеже 1930-1940-х годов мало что значили на значительной части европейского пространства, и национальная Испания, ориентируясь на режимы Муссолини и Гитлера, также не брала их в расчет.

Применение аппарата насилия считалось результативной методологией для скрепления и объединения общества. Именно он должен был покончить с политическим разногласиями, формировать «истинных испанцев» и заложить основу для долгого и стабильного существования режима.

В первые послевоенные годы в Испании шел процесс формирования «новой нормальности», население возвращалось на территории бывшей республиканской зоны, где отчетливо ощущалось продолжение войны – ни о каком примирении «побежденных» и «победителей» речь не шла, все, кто был связан с Республикой, оказались в положении отверженных, которые должны были искупить свои грехи. Особенно болезненным было положение женщин – не только тех, кто служил Республике, но и тех, кто просто был членами семей республиканцев.

Так режим воплощал идею спасения Испании и защиту «добрых испанцев» от врагов родины<sup>9</sup>. Именно эти идеи объясняли необходимость насилия и тотального контроля, а также не давали забыть о причинах войны и необходимости искоренения «анти-Испании»<sup>10</sup>. Николас Сесма выделяет шесть характеристик, присущих франкистскому насилию: «сквозной, превентивный, гибкий, многогранный, инкриминирующий и циничный характер»<sup>11</sup>.

Ни возрастные, ни классовые критерии не были гарантиями, позволяющими избежать репрессий. Как отмечает Х. Родриго, «франкизм заложил основу своей долгой жизни в виде колоссальных инвестиций в насилие, сделанных во время войны и в послевоенный период, а затем распоряжался доходами»<sup>12</sup>.

---

<sup>9</sup> Del Arco, 2012. Pp. 42-50.

<sup>10</sup> Richards, 2006.

<sup>11</sup> Sesma Landrin, 2023. P. 62.

<sup>12</sup> Rodrigo, 2008. P. 168.

Репрессии в эти годы осуществлялись повсеместно и принимали разнообразные формы<sup>13</sup>, включая физическое уничтожение побежденных, административные взыскания, коррупционные действия, применение принятого еще в 1933 г. Закона о бродягах и мошенниках<sup>14</sup>, тотальный контроль над обществом, невыносимые условия содержания и труда заключенных, гендерное насилие.

«Новая нормальность» выстраивалась на формировании повсеместного «культа победы», в построении и поддержании которого должно было участвовать все общество.

Запущенные режимом процессы «реиспанизации» и «рекатоллизации» были направлены на искоренение любых демократических устремлений, а улицы и площади городов по всей Испании превращались в сцены для зрелищной проекции идеологических установок. Мемориальные шествия, военные парады, патриотические и религиозные праздники демонстрировали мощь новой власти, поддержка которой должна была быть всеобщей и несомненной.

Общество подстраивалось под требования режима. После окончания гражданской войны сфера торговли и промышленности быстро взяла на вооружения официальные лозунги и активно применяла их в рекламе товаров, чтобы заслужить одобрение победителей и получить привилегии<sup>15</sup>.

Построение нового испанского общества, общества «истинных испанцев» требовало использования множества механизмов воздействия и шло путем применения насилия, предоставления привилегий, взращивания чувства национальной гордости, превозношения каудильо, модификации языка и стремления к очищению от всего, что не имело явного испанского происхождения. Меры по укреплению национального самосознания сопровождались лозунгом «Россия виновата!», который превратил «Русский салат» в «Национальный», «Русские горки» в «Швейцарские», а «Красную шапочку» в «Синию». Нена-

---

<sup>13</sup> Alía, 2017. Pp. 213-236.

<sup>14</sup> Gaceta de Madrid. 12.06.1934. №163. P. 1647.

<sup>15</sup> Abella, 2002.

висть к «красном дьяволам» дополнялась искоренением англицизмов и мерами по нивелированию региональных национализмов<sup>16</sup>.

На третий год после победы в гражданской войне важной мерой на пути трансляции обществу идеологических установок франкистского режима стало создание в 1943 г. практики трансляций кинохроник «NO-DO» (Noticiario y Documentales). Показ этих информационных выпусков был обязателен перед показом любого фильма, «чтобы поддерживать, с помощью собственной инициативы и соответствующего руководства, национальную информацию»<sup>17</sup>. Киномонополия «NO-DO» возникла в сложной ситуации разгара Второй мировой войны, когда режиму Франко стало необходимо сохранять дистанцию по отношению к странам Оси.

Идеологическое давление и жесткая цензура средств массовой информации<sup>18</sup> были важными характеристиками периода первого франкизма, но не менее важны были и экономические показатели: объем промышленного производства довоенного периода был восстановлен только в начале 1950-х годов, покупательная способность населения значительно снизилась по сравнению с первой половиной 1930-х гг., в период с 1939 по 1945 гг. множество испанцев умерли от голода или болезней, связанных с недостатком питания или отсутствием медикаментов<sup>19</sup>. По словам Клаудио Эрнандеса Бургоса «можно лишь удивляться, что при перечислении голодающих регионов современности часто упускается из виду Испания... сороковых годов... где по имеющимся цифрам от голода умерли около 200 000 человек». К этому следует добавить распространение таких болезней, «как авитаминоз, туберкулез или сыпной тиф... прямые следствия длительного недоедания»<sup>20</sup>. Николас Сесма отмечает, что «можно спорить о том, в какой степени эту ситуа-

---

<sup>16</sup> Ibid.

<sup>17</sup> Gracia, Ruiz Carnicer, 2004. P. 85-86.

<sup>18</sup> Филатов, 2017. С. 40-48.

<sup>19</sup> Cazorla, 2002. Pp. 303-319.

<sup>20</sup> Hernández Burgos, 2020. Pp. 151-172.

цию породила собственно диктатура, или же она стала результатом рокового стечения обстоятельств. Но не подлежит сомнению ее использование в качестве политического оружия, а также неравенство в распределении продовольствия, которое напрямую зависело от степени раскаяния народных классов, особенно в крупных республиканских городах»<sup>21</sup>.

Испанское общество, пережившее почти три страшных года гражданской войны, превратившей страну в руины, после окончания конфликта вновь оказалось в тяжелейших условиях. Экономика находилась в упадке, основания для укрепления морального духа найти было сложно, при этом на показ нужно было создавать впечатление воодушевления и гордости за «единую, великую и свободную» Испанию.

Национальные флаги, синие рубашки фалангистов и черные ряссы священников стали неотъемлемой составляющей визуального фона повседневной жизни. Не менее важен был и звуковой фон, с неприменным присутствием национального гимна и песен, без которых не представима эпоха: *Cara al Sol*, *La canción del Legionario*, *Yo tenía un Camarada*, *Sintonía del NoDo*. В песни *Ya hemos pasado* звучали такие слова: «Это было в том Мадриде два года назад, Где правили Прието и Дон Ленин. Это было в том Мадриде грязи, Ларго Кабальеро и Дона Негрина... Этот Мадрид сегодня – Мадрид ярма и стрел, Он улыбается, счастлив и молод. Этот Мадрид сегодня – с поднятыми руками, И знаками фашизма, как новый апрель»<sup>22</sup>.

Фундамент франкистского режима, строился на призывах к насилию, пропаганде, создании мифов и формировании образов врагов. Режим старался скрыть реальность послевоенной Испании, скрыть голод, нищету и болезни. Система давления и насилия действовала повсеместно и люди стремились избежать столкновения с ней, зная, что протест может обернуться тюрьмой, пытками и смертной казнью.

Согласие общества на лишения стало для испанцев компромиссом, так как нищета и мир казались лучше выбором, перед

---

<sup>21</sup> Sesma Landrin, 2023. P. 62.

<sup>22</sup> Martínez, 2017.



нищетой в условиях военного времени<sup>23</sup>. Но с окончанием гражданской войны Испания оказалась в международной изоляции. Ситуация экономического кризиса привела летом 1939 г. к введению системы продовольственных карточек, которая существовала в Испании на протяжении 13 лет.

Эти карточки должны были помочь решить проблему нехватки продовольствия и угрозы голода. В первые послевоенные годы особое значение имели грузовики социальной помощи<sup>24</sup>, потом для распределения помощи создали специальные учреждения, бесплатные столовые, которые помогали выжить обездоленным. Но помощи не хватало и люди часто вынуждены были нарушать законы, чтобы выжить. Особыми проблемами стали обусловленные войной сиротство, беспризорничество и детская преступность. В пропаганде это нашло отражение в термине «дети, брошенные красными», к этой группе присоединялись и младенцы, родившиеся и выросшие в женских тюрьмах, многие из которых были отняты у матерей<sup>25</sup>.

Распределением продовольствия занимался Генеральный комиссариат снабжения и транспорта, карточки печатали гражданские губернаторы. По этим карточкам в первую очередь выдавались такие товары, как масло, кофе и фасоль, а во вторую – треска, макаронные изделия, сахар и растительный жир и т.д. Испанцы придумывали вариации традиционных блюд из доступных продуктов, где основным ингредиентом был черствый хлеб. Мясо присутствовало в рационе очень редко, в удаленных от моря регионах рыба также была редкостью. В первые послевоенные годы с улиц городов исчезали птицы, голуби, кошки и крысы. На балконах городские жители часто выращивали овощи, обустроивали курятники и крольчатники<sup>26</sup>.

Нехватка продовольствия приводила к значительному дефициту питательных веществ, болезням, а иногда и смертельному исходу. Особенно недостатки питания сказывались на развитии

---

<sup>23</sup> Cazorla, 2002. Pp. 303-319.

<sup>24</sup> Филатов, 2019. С. 213-232.

<sup>25</sup> Cenarro, 2009; Vinyes, 2002.

<sup>26</sup> Eslava Galan, 2024. P. 82-92.

детей. Дефицит необходимых микроэлементов, таких как белки, железо, йод, приводил к болезням, включая задержки развития<sup>27</sup>.

Голод и обнищание стали причиной распространения множества заболеваний среди испанцев. Распространение дизентерии и желудочно-кишечных расстройств были связаны с употреблением испорченной пищи. Из давних времен вернулось такое забытое заболевание, как средиземноморский латиризм, приводящий к необратимому параличу и провоцируемый постоянным употреблением бобов.

Нищета провоцировала антисанитарные условия и отсутствие гигиены, что приводило к распространению таких заболеваний как тиф, чесотка, пиодермия и стригущий лишай. Рост проституции, которая была способом выживания для бездомных и обездоленных женщин, приводил к распространению венерических заболеваний. Не менее значимой проблемой было и распространение туберкулёза среди детей и взрослых.

В условиях тотального дефицита зарождалось явление «двойной жизни», которая в разных формах будет характерна для испанского общества франкистского периода. Для послевоенных лет это явление наиболее ярко представлено феноменом «черного рынка» или «эстраперло»<sup>28</sup>.

С введением продовольственных карточек испанцы обязаны были предоставить декларацию о своих доходах. Карточки делились на первую, вторую или третью категории<sup>29</sup> и очень немногие попадали в первую и вторую категории, так как карточки повсеместно подделывались для получения большего количества товаров. Черный рынок имел тенденцию к расширению и максимальных объемов достиг к 1951 г., перед началом трансформации экономической политики режима.

«Эстраперло» представлял собой совокупность незаконных экономических операций, в которых было задействовано подавляющее большинство населения. Бедность и дефицит в по-

---

<sup>27</sup> Де Мигель, 1985. С. 110-120.

<sup>28</sup> Eslava Galan, 2024. P. 93-101.

<sup>29</sup> Hernández Burgos, Del Arco Blanco, 2011. Pp. 71-93.

слевоенной Испании в сочетании с автаркической экономической системой привели государство к формам нормирования распределения дефицитных товаров для обеспечения «социальной и национальной солидарности»<sup>30</sup>. Режим диктовал, что покупать и что производить, сколько производить и по какой розничной цене должны продаваться продукты. Распределение карточек было недостаточным, усиливало дефицит и предусматривало выделение ряда продуктов первой необходимости, которых, конечно, не хватало для полноценной жизни.

Главными действующими лицами «эстраперло» были испанские женщины, оказавшиеся в самых тяжелых условиях – многие остались вдовами после войны или оказались в положении членов семьи политических заключенных. Чтобы выжить они выполняли самую тяжелую работу, часто без оплаты, а только за еду<sup>31</sup>. Тяжелые условия провоцировали к участию в черном рынке, но не только. Обездоленные люди перед лицом голода нарушали и другие законы, игнорируя общественные нормы: широко распространены были грабежи, браконьерство, проституция, попрошайничество и т.п.

Те, кто выживал, играя по правилам черного рынка и получая от этого минимальный доход, постоянно рисковали и жили в страхе перед штрафами и арестом «За продажу товаров без счета-фактуры», «За продажу по завышенным ценам», «За отсутствие регистрации цен», «За использование фальшивых весов», «За продажу разбавленного молока» и т.п.<sup>32</sup> Это ситуация нашла отражение в народном фольклоре: «Франко! Франко! Где тот белый хлеб, который ваш военный гений собирался нам дать? Очереди продолжают, и бунт продолжается, чечевицы Негрина больше не осталось»<sup>33</sup>. Новый городской фольклор стал оружием слабых, которых режим заставил терпеть, но не смог лишить голоса. В то же время сам режим, несмотря на применяемые штрафы, решительных шагов по борьбе с черным

---

<sup>30</sup> Barciela López, 1998. Pp. 83-96.

<sup>31</sup> Alía, 2017. Pp. 213-236.

<sup>32</sup> Abella, 2002.

<sup>33</sup> Sanz Tejada, 2019.

рынком не делал и сохранял пассивную позицию. При этом участниками черного рынка были не только люди, находившиеся в безвыходном положении, с ним также были связаны крупные махинации и масштабные денежные потоки.

Тяжелые условия жизни испанского общества были обусловлены не только нехваткой продуктов питания и предметов первой необходимости. Жизнь осложняли также нехватка бензина, но еще больше - перебои в электроснабжении, особенно в начале 1940-х гг.

Кроме материальных трудностей испанская повседневность трансформировалась под воздействием установленных правил поведения, моральных норм и порядков для всех групп населения. И важную роль в этом процессе играли фалангисты. Фаланга имела отделения для детей и юношества, женскую секцию, студенческую организацию, отделения социальной помощи. Они осуществляли функцию по формированию «добрых испанцев», готовых верно служить режиму.

Но, несмотря на трудности, установленные порядки и идеологическое воздействие, жизнь продолжалось и испанское общество подстраивалось под новые обстоятельства и порядки. Как и во времена Великой депрессии, местом утешения были кинотеатры, которые дарили позитивные эмоции и возможность отвлечься от проблем реальности.

Не менее значимым и разрешенным средством отвлечься и выплеснуть эмоции был футбол, а комментаторы – настоящими звездами, влиятельными и популярными фигурами. Как отмечает А. де Мигель, «эта игра стала чем-то большим, нежели спорт... Футбол в Испании стал, пожалуй, единственной узаконенной формой проявления региональных пристрастий..., единственной разрешенной формой участи в общественной жизни, единственной допускаемой коллективной азартной игрой футбольный тотализатор превратился в одну из наиболее доходных форм налога, взимаемого казной с энтузиазма болельщиков»<sup>34</sup>.

---

<sup>34</sup> Де Мигель, 1985. С. 296-297.

Регулярные радиотрансляции спортивных мероприятий начались в 1950-е гг. Радиоприемники, по которому можно было слушать футбольные трансляции, были заветной мечтой. Приобрести новые и дорогостоящие было почти не реально, но у сохранившихся довоенных собирались семьи и соседи.

В послевоенные годы особой популярностью пользовались также музыкальные программы, театральные радиопостановки и драматические радиосериалы (так называемые «мыльные оперы»). Радио была самым доступным развлечением, которое могла быть ограничено только перебоями с электричеством<sup>35</sup>.

Как уже было отмечено, музыка была важной частью повседневности и по мимо идеологически обусловленных песен, звучавших повсеместно, особую роль в послевоенный период играла народная музыка, особенно андалузская копла в исполнении Quiroga, Quintero, Jorge Sepúlveda, Boneta de Sampedro, Antonio Machín y Jorge Negrete. Лолы Флопес (Lola Flores), Concha Piquer y Estrellita Castro. Наиболее полно дух эпохи того времени отражают песни Леона (León), Кироги (Quiroga), Кинтеро (Quintero), Хорхе Сепульведа (Jorge Sepúlveda), Бонета де Сампедро (Boneta de Sampedro), Антонио Мачина (Antonio Machín) и Хорхе Негрете (Jorge Negrete)<sup>36</sup>. La Bien Pagá, Salud Dinero y Amor, Mi casita de papel, Perfidia, Frenesí стали символическим воплощением послевоенной эпохи в культурной памяти испанцев.

Связанный с ними образ послевоенной испанской повседневности отражен в документальном фильме испанского режиссера Басилио Мартина Патино «Песни после одной войны», снятом в 1971 г. по заказу франкистского правительства и разрешенном к показу только в 1976 г., после смерти Франко. Как отмечает Е.В. Астахова, «сила фильма в музыкальном ряде, который усиливает эмоциональное воздействие. Соотношение музыки и изображения создает особое смысловое метафоричное пространство, в которое включается зритель. Сочетание документального политического материала и музыки, которая на

---

<sup>35</sup> Gracia, Ruiz Carnicer, 2004. P. 81-83.

<sup>36</sup> Abella, Cardona, 2008.

первый взгляд не отвечает содержанию кадров позволяет увидеть скрытый посыл автора: жесточайшую критику режима. Например, под аккомпанемент андалузской музыкальной любовной баллады «Тебе заплатил сполна» (*La bien pagá*) смонтирована кинохроника, отображающая нищету и горе населения сразу после окончания гражданской войны. Противопоставляются счастливые и веселые песенки, как, например, «Здоровье, деньги и любовь» (*Salud, dinero y amor*), «С ума можно сойти...» (*A lo loco, a lo loco*), и показ разрушений, страданий, тюрем и одновременно праздников и развлечений «победителей». Автор использует разные косвенные образы — одинокий трамвай, пересекающий разрушенные улицы, тореро, участвующие в корриде в полосатой одежде заключенных, пляски и шутки клоунов, которые акцентируют образ разъединенной и страдающей страны»<sup>37</sup>.

Еще одной важной формой досуга, помимо прослушивания радиопередач, музыки и корриды, было чтение. В рассматриваемый период уровень неграмотности в Испании все еще оставался высоким, но книга давала возможность отвлечься от действительности и расширить границы повседневности. Настоящими бестселлерами стали роман Вики Баум (*Vicki Baum*) «Гранд-отель» и книги Лайоша Зилахи (*Zilahy Lajos*), такие как «Смертельная весна» и «Что-то плывет по воде». Популярны у испанцев были также приключенческие романы, комиксы, биографии популярных личностей и любовные романы.

По-настоящему «национальным» и популярным развлечением была коррида — этот тип досуга особо одобрялся режимом за его «испанский дух». Даже спортивные комментаторы не могли конкурировать во влиянии, значимости и народной любви с тоreadорами. Некоторые из них, такие как «Манолете», Мануэль Лауреано Родригес Санчес (*Manolete, Manuel Laureano Rodríguez Sánchez*), стали настоящими национальными легендами»<sup>38</sup>.

---

<sup>37</sup> Астахова, 2019.

<sup>38</sup> Abella, Cardona, 2008. P. 83.

Как уже было отмечено, существенная часть тягот послевоенного десятилетия выпала на долю испанских женщин. Режим определил их роль в жизни общества статусом «хранительницы очага», оказывал психологическое давление и ограничил потребительские потребности и лишил возможности сопротивляться установленным правилам. И женщины жили в предлагаемых условиях, но в повседневной жизни разворачивалась их скрытая борьба за право быть собой. Женщины стояли в длинных очередях за продуктами карточками, выполняли тяжелую работу, иногда нарушали закон, но также старались следить за модой, насколько это было возможно в условиях дефицита и недоступных для большинства цен на промышленные товары. И если в первые годы послевоенного периода ощущалась значительная нехватка товаров из-за ограничения поставок из-за границы и недостаточного количества специалистов. То в дальнейшем ограничения стимулировали развитие испанских модных домов (Pedro Rodriguez, Balenciaga, Vargas Ochagavía), получивших популярность не только в Испании, но и за рубежом<sup>39</sup>.

Как уже было сказано, Испания первого послевоенного десятилетия, которую режим хотел видеть «единой, великой и свободной» во многом представляла печальную картину, обусловленную нехваткой питания, бедностью, политическим давлением, дефицитом и распространением черного рынка. Но общество выживало и находило поводы для радости и возможность отключиться от бедствий повседневной жизни, а также, в большинстве своем осознавало, что мир лучше войны и утешалось этим.

1950-е годы стали переходным этапом от первого ко второму франкизму. Они были отмечены дипломатическим признанием франкистского режима, отменой карточной системы, концом партизанского сопротивления, университетским кризисом и формированием планов развития. Его называют «поворотным» в жизни испанского общества, временем условного кон-

---

<sup>39</sup> Gracia, Ruiz Carnicer, 2004. P. 92-100.

сенса и потери надежды на скорый конец режима (для тех, у кого она была).

В это время была осознана неэффективность политики автаркии, приняты меры для поощрения политики трудовой миграции и строительства социального жилья. При этом нехватка питания и бедность продолжали влиять на повседневность испанского общества.

Отказ от автаркии породил в обществе ожидания улучшения условий жизни. Режим отказывался от экономии и пытался продвигать потребление и ценности развития, однако часто нереализованность ожиданий порождала разочарование и недовольство.

При этом 1950-е годы стали временем значительных преобразований в различных аспектах повседневной жизни. Несмотря на трудности, уровень жизни постепенно повышался и начался процесс роста среднего класса, который в дальнейшем во многом обусловит социокультурные трансформации 1960-1970-х гг.<sup>40</sup>

Это время связано с вхождением в активную социальную жизнь нового поколения – поколения, выросшего после окончания гражданской войны. Молодые люди все чаще стали бросать вызов устоявшимся нормам, что было связано и с проникновением и популяризацией продуктов американской культуры, новыми музыкальными увлечениями молодежи, изменениями в моде и досуге. Важной вехой стало и появление телевидения в Испании 28 октября 1956 г. и его постепенное распространение (к началу 1960-х гг. телевизоры имели 50 тысяч испанских семей)<sup>41</sup>.

Традиционная модель семьи, активно отстаиваемая пропагандой в предыдущие десятилетие, сохранялась, мужчины обеспечивали семью, а женщины должны были быть хранительницами домашнего очага, но среди важных изменений в жизни испанских семей можно осознание ценности образования детей.

---

<sup>40</sup> Gracia, Ruiz Carnicer, 2004. P. 271-280.

<sup>41</sup> Ibid. P. 296-299.



Важным фактором социальных изменений стали процессы урбанизации, начало массового оттока сельских жителей в города или за границу в поисках работы, что на новом уровне продолжится и в 1960-е гг.<sup>42</sup>

Социальная ситуация в Испании в 1950-е гг. со всей очевидностью демонстрировала неравенство, распространившееся в обществе. С одной стороны – трудная жизнь большинства, с другой – демонстрируемая роскошь бенефициаров франкистского режима. Представители Церкви, одной из влиятельных опор режим, обращали на это внимание и призывали ограничить роскошь и расточительство избранных и отстаивали необходимость проведению социальной политики, направленной на улучшение жизни большинства<sup>43</sup>. Франкистский режим и сам испытывал серьезную озабоченность, в связи с этим увеличением социальной пропасти, отделяющей меньшинство от большинства. Это сказывалось в росте интереса к изучению и анализу состава и характеристик среднего класса и выход этой тематики на первый план политической повестки, что подтверждало проведение социальных семинаров и расширение инструментов социального анализа. Мелкие и средние предприниматели в наибольшей степени отождествляли себя с ценностями режима. Чтобы избежать пролетаризации общества в 1950-х гг. режим сфокусировался на поддержке среднего класса для создания лояльной социальной базы и возглавил это направление поддержки Мануэль Фрага Ирибарне, что было продемонстрировано в 1959 г. в Мадриде на Конгрессе Международного института среднего класса.

Если обратиться к испанской повседневности 1950-х гг., создается впечатление, что меркантилизм вступает в конкуренцию с религиозными и политическими убеждениями, а деньги управляют всем. Именно стремление к достатку становится одним из важнейших лейтмотивов эпохи, что вполне оправдано, после долгого времени лишений. В 1950-е гг. общество отча-

---

<sup>42</sup> Де Мигель, 1985. С. 53-70.

<sup>43</sup> Declaración de Metropolitanos españoles sobre el momento social // Revista de Internacional de Sociología. N53, enero-marzo 1956.

янья и терпения обрело реалистичный образ мечты, пока еще очень скромной – собственное жилье и ежедневное теплое питание, но дальше – больше. Это ситуация наглядно представлена в фильме «Квартирка» Марко Феррери. Фильм демонстрирует повсеместную бедность Мадрида 1950-х гг., невозможность молодых пожениться в отсутствии собственного жилья и ухищрения, на которые нужно пойти, чтобы его получить. Тот же квартирный вопрос становится движущей силой сюжета знаменитого фильма «Палач» Л. Гарсиа Берланги, снятого в начале 1960-х гг.<sup>44</sup>

Надежды на чудесное обогащение воплощались в культе лотерей и системы ставок на спорт «La Quiniela», сопровождавшей футбольный бум. Рекламные объявления транслируют образ потребления, который обеспечивает достойное положение в обществе – качественные часы для сеньора, хорошее пальто для сеньоры, другие добродетели не так важны. Задача была в том, чтобы стремление к материальным благам заменило идеологические споры и ценностные убеждения, заложив фундамент для формирования общества потребления, которое в полной мере сложится в Испании в 1960-е гг.

Уже в конце 1950-х гг. на рынке появится испанский народный автомобиль - Seat 600. В 1957 г. итальянцы, которые выпускали Fiat 600 уже два года, продали испанцам лицензию на производство этого автомобиля и в результате эта модель стала символом испанского экономического чуда. Машине дали прозвище «pelotilla» – шарик, сочиняли про нее песни и шутки, снимали в фильмах<sup>45</sup>.

Еще одним символом эпохи стал рост городского жилищного строительства, прежде всего, недорогого многоквартирного жилья с эстетикой, которую в Испании принято называть «ульем», обеспечивавшего минимально приемлемый уровень жизни.

Как уже было сказано, для подавляющего большинства населения 1950-е гг. оставались очень тяжелыми с материаль-

---

<sup>44</sup> Де Мигель, 1985. С. 164-173.

<sup>45</sup> Gracia, Ruiz Carnicer, 2004. P. 273-274.

ной точки зрения. Только в 38% испанских домов был водопровод, этот показатель достигал почти 74% в городах с населением более 50 000 человек, но понижался до 13% в сельской местности. Ванная комната или душ имелись в 9% испанских домохозяйств, в городских районах эта цифра приближалась к 25%. Наличие электричества оставалось самым распространенным показателем «комфорта» как в сельской местности, так и в городах<sup>46</sup>. Актуальными оставались и медицинские проблемы, особенно, связанные с распространением туберкулеза и высоким показателем несчастных случаев на производстве.

Среди показателей роста общественного благополучия заметно увеличение количества телефонных аппаратов и лицензий на импортируемые легковые автомобили.

Характерным в 1950-е гг. было и превращение Испании в страну въездного туризма. В преддверии бума 1960-х гг., турпоток вырос с 1 700 000 туристов в 1953 году до почти 4 200 000 в 1959 году<sup>47</sup>.

Возвращаясь к повседневной жизни испанцев, можно отметить, что пороки 1940-х гг. сохранялись и в 1950-х гг. Популярны были публичные дома и различные увеселительные заведения с подобного рода услугами, олицетворяющими двойную мораль франкистского режима, чья идеологи всячески оберегала образ женщины – хранительницы очага. Альтернативой вечернего времяпрепровождения для молодого испанца – горожанина 1950-х гг. было посещения бара, бойцовских поединков или выступления музыкантов в джазовом клубе<sup>48</sup>.

Для большинства небольших городков Испании бедность, страх, недоверие, материальные и моральные трудности 1940-х гг. сохраняли актуальность и в 1950-е гг. Местная таверна и кинотеатр были теми немногими местами, где человек мог отвлечься от проблем окружающей действительности. Футбол,

---

<sup>46</sup> Anuario Estadístico de España. Madrid: Instituto Nacional de Estadística, 1960.

<sup>47</sup> Ibid.

<sup>48</sup> Gracia, Ruiz Carnicer, 2004. P. 271-273.

коррида, копла и радиосериалы оставались основными формами досуга.

При этом общество постепенно менялось: и в Мадриде, и в Барселоне, и, в меньшей степени, в других городах во второй половине 1950-х гг. ранее аполитичные слои населения становятся политизированными. Дистанцирование от режима в языке, жестах и взглядах становится все более очевидным<sup>49</sup>.

1950-е гг. для испанского общества стали «промежуточным временем» между тяготами 1940-х гг. и экономическим бумом 1960-х гг. Это был период относительно стабильности, стремления к пока еще малодоступным материальным благам, но, в то же время, исчерпанности политических, культурных и социальных ожиданий, обернувшегося ростом внутреннего сопротивления и начала формирования гражданского общества.

Как видно из про веденного исследования, наиболее сложным для существования франкистского режима и испанского общества были первые пятнадцать послевоенных лет, включающие период «постгерры», международную изоляцию и политику автаркии. Это время связано с насилием и притеснением значительной доли испанцев, оказавшихся среди «побежденных», когда гражданская война закончилась. Жизнь испанского общества в эти годы – это жизнь, связанная со страданием,privation и борьбой. Жизнь, которая со всей очевидностью демонстрирует мифологичность франкистской идеологии о «единой, великой и свободной» Испании.

#### Библиография/References

Астахова Е.В. Испания сквозь призму фильма «Песни после одной войны» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 2 (76). URL: <https://history.jes.su/s207987840002601-0-1/> DOI: 10.18254/S207987840002601-0. Astakhova E.V. Ispaniya skvoz prizmu fil'ma «Pesni posle odnoy voyny» // Elektronnyy nauch-

---

<sup>49</sup> Гранцева, 2023.

- no-obrazovatel'nyy zhurnal ISTORIYA. 2019. T. 10. Vypusk 2 (76). [Spain through the Prism of the Film “Songs for after a War”].
- Гранцева Е.О. Испанский конфликт XX века: от споров о будущем к спорам о прошлом // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Выпуск 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028443-6-1/> DOI: 10.18254/S207987840028443-6. Grantseva E.O. Ispanskiy konflikt XX veka: ot sporov o budushchem k sporam o proshlom // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal ISTORIYA. 2023. T. 14. Vypusk 9 (131). [The Spanish Conflict of the 20th Century: from Disputes about the Future to Disputes about the Past].
- Де Мигель А. 40 миллионов испанцев 40 лет спустя. М.: Прогресс, 1985. De Migel A. 40 millionov ispansev 40 let spustya. M.: Progress, 1985. [40 million spaniards 40 years later].
- Филатов Г.А. Система контроля над СМИ и пропагандой во франкистской Испании // Новая и Новейшая история. 2017. Выпуск №2. С. 40-48. Filatov G. A. Sistema kontrolya nad SMI i propagandoy vo frankistskoy Ispanii // Novaya i Noveyshaya istoriya. 2017. Vypusk №2. С. 40-48. [The control system over media and propaganda in francoist Spain].
- Филатов Г.А. Социальная политика в Испании в 1940-е гг. // Латиноамериканский исторический альманах. 2019. №23. С. 213-232. Filatov G.A. Sotsial'naya politika v Ispanii v 1940-ye gg. // Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manakh. 2019. №23. S. 213-232. [Social policy in Spain in the 1940s].
- Abella R. Anécdotas para después de una guerra, España (1939-1957). Barcelona: Planeta, 2002.
- Abella R. La vida cotidiana bajo el régimen de Franco. Madrid: Temas de hoy, 1996.
- Abella R., Cardona G. Los años del NO-DO. “El mundo entero al alcance de todos los españoles”. Madrid: Destino, 2008.
- Alía F. et al (coords). Mujeres solas en la posguerra española (1939-1949). Estrategias frente al hambre y la represión // Revista de historiografía, N26. Pp. 213-236.

- Barciela López C. Franquismo y corrupción económica // *Historia Social*, N°30, 1998. Pp. 83-96.
- Cazorla A. Sobre el primer franquismo y la extensión de su apoyo popular // *Historia y Política*, N.8, 2002. Pp. 303-319.
- Cenarro Á. *Los niños del Auxilio Socia*. Madrid: Espasa Calpe, 2009.
- Declaración de Metropolitanos españoles sobre el momento social // *Revista de Internacional de Sociología*. N53, enero-marzo 1956.
- Del Arco M.A. Las modalidades de la violencia franquista (1936-1950) // *Universidad de Granada, Seminario Permanente de Historia Contemporánea de Andalucía*. Granada, 2012. Pp. 42-50.
- De Miguel A. 40 millones de españoles 40 años despues. Barcelona-Buenos Aires-Mexico: Ediciones Grijalbo, 1976.
- Española // Aróstegui J., Godicheau F. (eds.). *Guerra Civil. Mito y memoria*. Madrid: Marcial Pons, 2006.
- Gil Vico P. Ideología y represión: la causa general: Evolución histórica de un mecanismo jurídico-político del régimen franquista // *Revista de Estudios Políticos (Centro de Estudios Políticos y Constitucionales)*, 1998, no. 101. Pp. 159-189.
- Gómez Cuesta C. La construcción de la memoria franquista (1939-1959). Mártires, mitos y conmemoraciones // *Studia histórica. Historia contemporánea*, 2007, no. 25. Pp. 86-89.
- Gracia J., Ruiz Carnicer M.A. *La España de Franco (1939-1975). Cultura y vida cotidiana*. Madrid: Síntesis, 2004.
- Hernández Burgos C., Arco Blanco del M.A. Más allá de las tapias de los cementerios: la represión cultural y socioeconómica en la España franquista (1936-1951) // *Cuadernos de Historia Contemporánea*, №33, 2011. Pp. 71-93.
- Hernández Burgos C. El discurso de la miseria: relatos justificativos y percepciones populares del hambre durante la posguerra // *Del Arco Blanco M.A. (ed.). Los «años del hambre». Historia y memoria de la posguerra franquista*. Madrid: Marcial Pons, 2020. Pp. 151-172.
- Martínez A.L. Canciones para Después de una Guerra: el musical de la miseria // *El secreto de Berlanga* , <https://www.elsecretodeberlanga.com/2017/04/08/canciones->

- para-despues-de-una-guerra-el-musical-de-la-miseria/ (Дата обращения: 26.09.2025)
- Martínez Hoyos F. Así construyó el franquismo su propia memoria histórica // *La Vanguardia*, 17.03.2025.
- Richards M. El régimen de Franco y la política de la memoria durante la guerra civil española // Aróstegui J., Godicheau F. (eds.). *Guerra Civil. Mito y memoria*. Madrid: Marcial Pons, 2006.
- Rodrigo J. Hasta la raíz. Violencia durante la guerra civil y la dictadura franquista. Madrid: Alianza, 2008.
- Sanz Tejeda A. et al (coords). *La Voz De La Memoria, Nuevas Aproximaciones al Estudio De La Literatura Popular de tradición Infantil* // Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha. Universidad de Castilla la Mancha, 2019.
- Sesma Landrin N. Ni una, ni grande, ni libre: la dictadura franquista (1939-1977). Barcelona: Crítica, 2023.
- Vinyes R. Irredentas. Las presas políticas y sus hijos en las cárceles franquistas. Madrid: Temas de Hoy, 2002.